
СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Введение	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
Глава 1. Вербальные преступления против личности	15
1. Задетая честь, поруганное достоинство	
и опороченная деловая репутация	17
<i>Выражение мнения и сообщение сведений:</i>	
<i>в чем различие</i>	<i>17</i>
<i>Если мнение вербально не оформлено</i>	<i>20</i>
<i>Речевые средства манипуляции сознанием:</i>	
<i>в чем опасность</i>	<i>23</i>
<i>Изобразительно-выразительные средства языка:</i>	
<i>рисковать или не рисковать?</i>	<i>27</i>
2. Оскорбление	28
<i>Какие сведения считаются порочащими?</i>	<i>28</i>
<i>В чем особенности преступления,</i>	
<i>именуемого клеветой?</i>	<i>29</i>
<i>Какая фраза унижает честь</i>	
<i>и достоинство другого лица?</i>	<i>33</i>
<i>Каковы критерии «приличности» в речи?</i>	<i>36</i>
<i>Может ли оскорбить эмоциональная окраска слов?</i>	<i>42</i>
3. Угроза убийством или причинением тяжкого	
вреда здоровью	44
Глава 2. Криминальные проявления экстремизма	
в публичных выступлениях и литературе	49
1. Публичные призывы к экстремистской деятельности	55
<i>К чему нельзя призывать?</i>	<i>55</i>
<i>Что считается призывом?</i>	<i>57</i>
<i>Что считается пропагандой?</i>	<i>63</i>

2. Возбуждение ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства	65
Какие высказывания возбуждают национальную, расовую, религиозную или социальную вражду?	65
Является ли публичная критика чиновника возбуждением ненависти по признаку социальной принадлежности?	72
Преступления по ст. 280 и 282 УК РФ — есть ли жесткая граница?	75
Какая информация унижает человеческое достоинство по признаку принадлежности к нации, расе, религиозной или социальной группе?	80
3. Побуждение граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний	84
Побуждение и возбуждение: в чем отличие?	84
Можно ли сообщать информацию, которая могла бы негативным образом коснуться нации, расы или религии?	87
4 Публичная клевета в отношении лица, занимающего государственную должность	88
В чем особенности клеветы как экстремистского деяния?	88
Равна ли клевета в адрес представителя государственной власти оскорблению представителя власти?	88
5. Угроза применения насилия в отношении представителя государственной власти	89
Глава 3. Производство судебно-лингвистической экспертизы	93
1. Производство судебно-лингвистической экспертизы в процессах по защите личности	93
Когда возникает необходимость в судебно-лингвистической экспертизе?	93
Какие вопросы адресовать эксперту?	102

<i>Экспертная дискуссия по делу об оскорблении Ирины Ароян (на пресс-конференции Филиппа Киркорова)</i>	106
2. Судебно-лингвистическая экспертиза	
по криминальным проявлениям экстремизма	118
<i>Когда возникает необходимость в заключении лингвиста?.....</i>	118
<i>Какие вопросы следует ставить перед экспертом или экспертной комиссией?.....</i>	136
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	141
Структура заключения	
судебного эксперта-лингвиста.....	143
Защита чести, достоинства, деловой репутации 1:	
<i>Дело по иску Голубкова (ч. 1 ст. 152 ГК РФ)</i>	144
Защита чести, достоинства, деловой репутации 2:	
<i>Дело по иску Иваницкого (ч. 1 ст. 152 ГК РФ)</i>	181
Защита чести, достоинства, деловой репутации 3:	
<i>Дело по иску Верховцева (ч. 1 ст. 152 ГК РФ)</i>	191
Оскорбление:	
<i>Дело по обвинению Абашидзе (ч. 2 ст. 297 УК РФ)</i>	213
Криминальные проявления экстремизма 1:	
<i>Дело по обвинению Николаева (ч. 2 ст. 280 УК РФ, ч. 1 ст. 282 УК РФ)</i>	219
Криминальные проявления экстремизма 2:	
<i>Дело по обвинению Шевцова (ч. 2 ст. 280 УК РФ, ч. 1 ст. 282 УК РФ).....</i>	255
Криминальные проявления экстремизма 3:	
<i>Дело по обвинению Ковалева (ст. 282 ч. 1 УК РФ)</i>	274
От рецензента (вместо послесловия)	287

ПРИЛОЖЕНИЕ.....	299
Современная отечественная литература по юридической лингвистике и смежным наукам.....	299
1. <i>Лингвистическая экология и конфликтология: коммуникативный вред, дискомфорт, инвектива, конфликт</i>	300
2. <i>Правовая оценка высказывания</i>	308
<i>Общие вопросы</i>	308
<i>Преступления против чести и достоинства</i>	311
3. <i>Теория и практика судебно-лингвистической экспертизы</i>	313

Стремление защитить свою честь, достоинство и репутацию от посягательств онтологически присуще человеку. В разные периоды истории оно то обостряется, то ослабевает. И это естественно — ведь сила данного стремления зависит от того, насколько ценит государство личность и ее права. Неудивительно, что в России постсоветского периода — периода гласности и расширения личных свобод — судебные иски о защите чести и достоинства стали обычной практикой.

Вот почему книга Михаила Осадчего так актуальна и злободневна. Автор поднимает сложные вопросы, относящиеся к разграничению понятий «личное мнение» и «сообщение сведений». На страницах книги сопоставляются общекультурная и юридическая семантика таких понятий, как «оскорбление», «клевета», «угроза».

Автор не обошел вниманием и важнейшую для современного поликультурного общества проблему вербального экстремизма. Не успели утихнуть споры правозащитников о чрезмерной жесткости Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», не успело еще общество привыкнуть к назначенной «цене» слова — как вышла новая редакция Закона, где понятие экстремистской деятельности расширено. Именно о вербальных формах экстремизма говорится в новой редакции Закона: уточнены некоторые определения, расширен список типов коммуникативных актов, признаваемых экстремистскими. Впрочем, несмотря на очевидную злободневность, эта тема сегодня практически не обсуждается на страницах серьезных аналитических изданий. Автор попытался восполнить данный пробел. В книге сделан анализ законодательных

актов, предусматривающих ответственность за вербальные проявления экстремизма, рассмотрены основные формы этого явления (призыв, пропаганда, возбуждение ненависти и вражды и др.).

Достоинством книги является также подборка судебных архивов по процессам о защите чести и достоинства, оскорблении, клевете, а также криминальным проявлениям экстремизма. В качестве иллюстрации разобрано нашумевшее дело журналистки Ирины Ароян против артиста Филиппа Киркорова. Думаю, каждый читатель что-то слышал о данном процессе, но лишь «что-то». В книге же делается документально-фактологический анализ данного спора.

Текст книги построен как диалог, что позволяет опытному и искушенному читателю продумать собственные варианты решения теоретических и практических проблем, связанных с вербальными правонарушениями.

Научный редактор

Кажбое сказанное публичным человеком слово многократно цитируется и оценивается. Неудачно «вылетевшее» слово меняет не только ход деловых событий — публичная речь может обернуться уголовным наказанием... Распространение сведений, задевающих честь, унижающих достоинство и порочащих деловую репутацию; оскорбление, клевета, публичные призывы к экстремистской деятельности, возбуждение вражды или ненависти, а равно унижение человеческого достоинства по мотивам принадлежности к нации, расе, религиозной или социальной группе — вот неполный перечень правонарушений, совершаемых словом.

Предметом вербального (словесного) правонарушения является речевое высказывание, фраза, произнесенная или распространенная письменно во времени и пространстве. Отдельные слова и выражения не могут быть предметом вербальных правонарушений. Однако отдельные слова зачастую оспариваются в суде — но только в составе некоего полноценного высказывания (высказывание может состоять и из одного слова). Почему так происходит?

Дело в том, что отдельное слово, взятое из словаря, не отнесено к действительности — это просто слово, единица языка. Только когда слово высказано во времени и пространстве, оно приобретает, как говорим мы, лингвисты, *референциальную отнесенность*. Это значит, что слово соотносено с кем-то или чем-то в действительности, т.е. в момент высказывания появляется **объект** правонарушения — конкретное лицо с опроверженной репутацией или государство — его строй и безопасность.

Высказывание — феномен сложный. Мы оперируем им постоянно в своей социокультурной и психической (думаем мы тоже словами!) деятельности. Однако закон регламентировал применение этого

феномена. Правовой оценке подлежат три составляющие высказывания — форма, содержание и прагматика.

Форма высказывания может быть приличной или неприличной, иметь эмоционально-стилистическую окраску (оскорбительную, унижительную). Неприличное характеризующее высказывание или высказывание с оскорбительной эмоциональной окраской в адрес кого-либо может стать поводом к возбуждению уголовного дела по ст. 130 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Оскорбление». Кроме того, высказывание может иметь форму утверждения или выражать предположение, представлять собой мнение или сообщать о фактах. Этот аспект формы значим для квалификации деяния по ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) «Защита чести, достоинства и деловой репутации», ст. 129 УК РФ — «Клевета». Жанровые характеристики также во многом ориентированы на форму высказывания. Жанр призыва и пропаганды особо представлен в уголовном законодательстве — в той его части, где предусматривается ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды (ст.ст. 280, 282 УК РФ).

Анализ *содержания* высказывания позволяет установить, идет ли речь о конкретном лице (т.е. может ли быть установлен потерпевший), что об этом лице сказано (является ли данная информация порочащей или унижающей). Жесткие требования к содержательной стороне высказывания предъявляются всеми статьями Гражданского и Уголовного кодексов, в которых предусмотрена ответственность за совершение вербальных правонарушений.

Наконец, *прагматика* высказывания — это надтекстовый компонент: позиция автора высказывания, его коммуникативные цели и задачи, гипотетическая реакция слушателя (читателя). Прагматика высказывания говорит о **субъективной стороне** правонарушения: помогает выяснить, содержатся ли в самом высказывании, его форме и содержании признаки того, что автор осознавал суть совершаемого действия, желал ли автор последствий, которые наступили (или могли наступить). Прямым умыслом выражается субъективная сторона таких

преступлений, как клевета (ст. 129 УК РФ), в том числе клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя (ст. 298 УК РФ); неуважение к суду (ст. 297 УК РФ); оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ), публичные призывы к экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ).

Правонарушения, предусмотренные ст. 152 ГК РФ (Защита чести, достоинства и деловой репутации), а также ст. 130 УК РФ (Оскорбление), могут совершаться и с косвенным умыслом, когда субъект равнодушен к последствиям своего поступка.

Задача настоящей книги — очертить зоны риска в публичном выступлении (устном или письменном), потенциально опасные с точки зрения правовых последствий моменты. Автор привел рекомендации, призванные помочь ораторам (выступающим с трибуны, пишущим в СМИ) сформировать навыки правового самоконтроля — способности высказываться открыто и эмоционально, не преступая закон.

В части I проанализированы зоны риска, в которых возможны преступления против чести и достоинства, а также вербальные проявления экстремизма. Разъясняется содержание статей Гражданского и Уголовного кодексов, предусматривающих ответственность за вербальные правонарушения против личности: ее нематериальных благ (честь, достоинство, доброе имя), и государства — его безопасности, целостности.

Чтение кодексов зачастую вызывает множество вопросов: «Что считать мнением?», «Как быть с риторическими приемами?», «Какая форма является неприличной?», «Каковы признаки жанра пропаганды и призыва?», «Какая информация может возбудить национальную рознь?» и т. д. На все эти вопросы дается лингвистический ответ, основанный на достижениях современной языковедческой науки, а также положениях российского права.

Однако задача книги не только в том, чтобы предостеречь оратора (пользователя языка) от возможных «промахов», но и сориенти-

ровать в уже разгоревшемся судебном споре. В судебных процессах по вербальным правонарушениям основным доказательством является мнение специалиста в области лингвистики, как правило, оформленное в виде судебно-лингвистической экспертизы. Проблемам ее назначения и производства посвящена глава 3. Она учит оратора умело пользоваться такой формой доказательства, как заключение судебного эксперта-лингвиста. В главе раскрываются «секреты» его составления, «слабые» и «сильные» места. Это поможет оратору (участнику процесса) оценить необходимость заключения эксперта для успеха процесса, а также прогнозировать возможные выводы специалиста.

В части II представлена судебная практика по видам правонарушений, описанных в части I. Речь идет о тех судебных процессах, где фигурирует заключение лингвиста. В качестве примера автор приводит наиболее сложные дела, в которых лингвистическая экспертиза повлияла на ход судебного разбирательства. Все «повороты» процесса, стратегии и «ходы» сторон подробно комментируются.

Приложением к книге дается библиография современной отечественной научной литературы по юридической лингвистике, лингвистической экологии и конфликтологии — чтобы заинтересованный читатель мог самостоятельно осмыслить проблемы, не получившие глубокого анализа в данной книге.

Автор выражает признательность своему учителю — юристу, доктору филологических наук, профессору Людмиле Алексеевне Араевой, которая не только руководила написанием данной книги, но и дарила материалы по своей судебно-экспертной практике.

Автор рад, что рецензентом книги согласился выступить руководитель «Ассоциации лингвистов-экспертов “Лексис”», редактор знаменитой серии «Юрислингвистика» профессор Николай Данилович Голев. Благодарю его за ценные рекомендации по доработке книги и материалы к библиографии. Обращаю внимание читателя на то, что в конце книги помещена рецензия Н.Д. Голева — произведение оригинальное и глубокое.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Задетая честь, поруганное достоинство и опороченная деловая репутация

В соответствии со статьей 150 ГК РФ честь, достоинство и деловая репутация являются нематериальными благами любого человека. Гражданин имеет полное право на защиту своих нематериальных благ в судебном порядке. К сожалению, в современном коммуникативном пространстве нематериальные блага человека очень часто страдают, становясь объектом агрессивных нападок. Сегодня наиболее популярным способом призвать к ответу неосторожного оратора является судебный иск о защите чести, достоинства и деловой репутации.

В соответствии с п. 1 ст. 152 ГК РФ (Защита чести, достоинства и деловой репутации) гражданин вправе требовать по суду опровержения сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Для того чтобы автор публикации или публичного высказывания был привлечен к ответственности по ч. 1. ст. 152 ГК РФ или ст. 129 УК РФ, необходимо наличие следующих условий (в их совокупности!):

- 1) оспариваемая информация **распространена**;
- 2) она является **сообщением сведений**, а не **выражением мнения** автора;
- 3) данные сведения **не соответствуют действительности**;
- 4) информация носит **порочащий** характер.

Особо для ст. 129 УК РФ:

- 5) преступление совершено с **прямым умыслом**.

В гражданском процессе факт распространения сведений, а также их порочащий характер доказывается истцом. Обязанность же по доказыванию правдивости сведений возлагается на ответчика.

Отметим, что на практике в центре судебного разбирательства может оказаться и мнение — но уже в соответствии не с п. 1, а п. 3 ст. 152 ГК РФ.

В Постановлении Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан...» сказано:

«Лицо, которое полагает, что высказанное оценочное суждение или мнение, распространенное в средствах массовой информации, затрагивает его права и законные интересы, может использовать предоставленное ему п. 3 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьей 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» право на ответ, комментарий, реплику в том же средстве массовой информации в целях обоснования несостоятельности распространенных суждений, предложив их иную оценку».

**Постановление Пленума Верховного суда РФ
от 24 февраля 2005 года №3 «О судебной
практике по делам о защите чести и досто-
инства граждан, а также деловой репутации
граждан и юридических лиц»**

Следовательно, нарушение этого права гражданина является поводом для обращения в суд. Причем мотивацией исковых требований может стать только официальный или фактический отказ СМИ от публикации ответа или комментария. Сам факт публикации «обидных» оценочных суждений судебному оспариванию не подлежит. Из процитированного Постановления следует: суду не нужно доказывать, что распространенные высказывания являются сведениями — участники процесса могут считать их мнением. Важно доказать, что опубликованные оценочные суждения задевают честь и унижают достоинство конкретного лица, т.е. наносят ущерб нематериальным благам, которые

гарантирует ст. 150 ГК РФ. Однако и состав исковых требований ограничен законом: истец не может просить суд признать публикацию порочащей (как по ч. 1 ст. 152). Он может лишь потребовать, чтобы суд обязал СМИ опубликовать его комментарий или ответ.

Впрочем, и эти требования могут остаться неудовлетворенными. На мой взгляд, Пленум ВС допустил неточность в своем комментарии к ст. 152 ГК РФ (см. цитату, приведенную выше). В оригинальном варианте пункт 3 данной статьи своим предметом все же имеет **сведения**, а не **«оценочные суждения или мнения»**, как это сформулировано в Постановлении:

«Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации».

**Гражданский кодекс Российской Федерации.
Статья 152, п. 3**

Теперь предлагаю отвлечься от ч. 3 ст. 152 ГК РФ. Далее мы рассмотрим значимые для судебного процесса вопросы, связанные с наиболее сложной и «популярной» ч. 1 ст. 152 ГК РФ. Напоминаю, что данная статья предполагает ответственность за распространение лживых сведений порочащего характера.

Выражение мнения и сообщение сведений: в чем различие

Как правило, в качестве основного аргумента в возражениях на исковые требования о защите чести и достоинства ответчик приводит утверждение, что оспариваемая публикация выражает субъективное мнение автора статьи. Ответчики активно ссылаются на статью 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с частью 1 которой каждый человек имеет право свободно

выражать свое мнение. Однако такие заявления не принимаются судом на веру: факт, что фраза является выражением мнения, а не сообщением сведений, еще нужно доказать.

Все дискуссии, возникающие в связи с делами о защите чести и достоинства, убеждают: вопрос о том, что считать мнением, а что — сведениями, обсуждается давно, но так и остается нерешенным. До сих пор неясно, какая наука — лингвистика или юриспруденция — должна дать определение понятиям «мнение» и «сведение». Сегодня лингвист-эксперт вынужден сам решать эту проблему исходя из своего собственного научного опыта, а порой и просто языкового чутья. В судебно-экспертной практике наметились два параметра, разграничивающих выражение мнения и сообщение сведений: формально-семантический и прагматический.¹

Суть **формально-семантического параметра** сводится к поиску в исследуемой фразе специальных слов-маркеров (слов-показателей), которые однозначно указывают на коммуникативную функцию фразы или ее фрагмента. Под **коммуникативной функцией** понимается назначение фразы в событии общения — выразить мнение автора или сообщить собеседнику сведения.

Если в тексте встречаются слова и выражения «по моему мнению», «мне кажется», «думается», «могу предположить», «я предполагаю» и подобные, то фрагменты текста, к которым относятся данные слова, признаются выражением мнения. Конструкции со словами «наверное», «мне кажется» и подобные расцениваются как предположения и приравниваются к выражению мнения. Если же фраза не содержит таких слов-маркеров, она квалифицируется экспертом как сообщение сведений.

Этот способ — самый простой и действенный, однако он таит в себе «подводные камни». Например, в газете опубликовано:

Если оратор желает выразить заведомо отрицательное мнение по поводу кого-либо, то следует обезопасить себя, включив в высказывание маркер: «по моему мнению», «мне кажется» и т. п.

¹ Голев Н.Д. Юрислоингвистика и прагматика: о двух стратегиях обвинения в словесной инвективе и защиты от него // Языковая концепция регионально-го существования человека и этноса: Тез. докл. к региональной науч.-практ. конф. памяти профессора И.А. Воробьевой / Под ред. В.А. Чесноковой. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. С. 146–148.

«Я думаю, украденные им из бюджета деньги он пустил на незаконные разработки природных ресурсов нашей области».

Если бы данная фраза фигурировала в деле о защите чести и достоинства или клевете, то ответчик (подсудимый) настаивал бы на том, что данное высказывание является выражением его собственного мнения, и ссылался бы на вводное предложение «я думаю». Однако судебная экспертиза признает правоту ответчика (подсудимого) лишь частично. Дело в том, что в предложении фактически сообщено о двух событиях: (1) «он украл деньги из бюджета» и (2) «он пустил деньги на незаконные разработки природных ресурсов». Оба эти сообщения (при условии несоответствия действительности) являются порочащими, поскольку приписывают совершителю преступные деяния. Вводный элемент «я думаю» относится только к сказуемому рассматриваемого предложения — слову «пустил». Таким образом, предположения строятся только относительно второго поступка — того, **на что именно** были пущены деньги. Факт предварительной кражи денег заявлен во фразе как давно известный и сомнению автором не подвергается. Следовательно, первая часть информации «он украл деньги из бюджета» квалифицируется как сообщение сведений; вторая часть «он пустил деньги на незаконные разработки природных ресурсов» — как выражение мнения.

Стоит также учесть, что в современном русском языке слова типа «наверное», «думаю» и т. п. могут использоваться для утверждения, а не предположения. Примеры таких случаев:

«Уж наверное, наш директор себе зарплату не задерживает и его карман, как наш, не страдает»;

«Думаю, вы-то поблажками пользуетесь...».

Для правильной оценки коммуникативной функции данных фраз важно проанализировать интонационно-стилистический и эмотивный рисунок текста: если фраза подобного типа в речи оратора имеет ироническую окраску и произносится с соответствующей интонацией, либо же она оформлена на письме соответствующими знаками

При использовании вероятностных маркеров типа «наверное», «думаю» и т. п. следует учитывать их «оборотную» сторону — значение утвердительности, проявляющееся в ироничном контексте.

(например, финальным многоточием, а в интернет-чате — так называемыми смайликами), то вероятностное значение слов «наверное», «думаю» обращается в **утвердительное** и может быть расценено судом как сообщение сведений.

Если мнение вербально не оформлено...

В таких случаях фраза не содержит никаких внешних показателей выражения мнения, предположения (слов-маркеров). Вместе с тем высказывание, как правило, изобилует субъективной экспрессией, т.е. является эмоциональным, оценочным. Подобная форма дает повод ответчику (ст. 152 ГК) или подсудимому (ст. 129 УК) настаивать: «Это было мое личное мнение, я так думал и чувствовал». То есть акцент делается на эмоциональном состоянии автора, а также его взглядах в момент написания (произнесения) текста (речи). Как правило, такие доводы судом не принимаются в качестве убедительных и действенных. Противоположная ситуация складывается в отношении мнения адресата речи (слушателя, читателя). Ему суд склонен доверять в большей степени, и зачастую мнение адресата становится решающим при определении коммуникативной функции текста (фразы). В этом суть **прагматического параметра** при идентификации мнения и сведений.¹

На практике это выглядит следующим образом. Суд рассматривает газетную публикацию, в которой содержится фраза предположительно порочащего характера:

«И тогда, как это нередко бывает с потерпевшими фиаско хозяйственниками, у Барина проснулись политические амбиции...».

Истец утверждает, что в данной фразе содержится сообщение о том, что он решил идти в политику ввиду своей несостоятельности в качестве управленца-промышленника. Во фразе нет каких-либо слов-маркеров, формальных признаков мнения, предположения. Вместе

¹ Эрделевский А. Утверждение о факте и выражение мнения — понятия разного рода // Российская юстиция. 1997. № 6. С. 17.

с тем высказывание носит выраженный субъективно-оценочный, эмоциональный характер: автор употребил слова и выражения в переносном значении и с ироничной окраской («потерпевший фиаско» вместо «потерпевший неудачу»; «проснулись политические амбиции» вместо «решил пойти в политическую сферу»).

Суд задается вопросом: «Как воспринимается данная фраза рядовым читателем — как выражение мнения автора или же «берется на веру», т.е. расценивается как сообщение сведений?» Для ответа на данный вопрос привлекается, как правило, лингвист, владеющий навыками психолингвистического анализа. Возможно также назначение комплексной психолого-лингвистической экспертизы с привлечением двух специалистов. Вывод эксперта может быть как радикально однозначным (*анализируемая фраза воспринимается рядовым читателем как мнение*), так и двояким с указанием большей вероятности одного из вариантов (*данная фраза воспринимается рядовым читателем как выражение мнения, восприятие в качестве сообщения о фактах возможно, но маловероятно*). Эксперт также может сформулировать ответ радикально двояко, не склоняясь ни к одному из возможных вариантов (*данная фраза может восприниматься рядовым читателем и как выражение мнения, и как сообщение сведений*). В случаях такого двоякого ответа (т.е. при равновероятности восприятия в качестве выражения мнения и сообщения сведений) фраза обычно квалифицируется как «сообщение сведений».

В случае с приведенной фразой эксперт будет руководствоваться тем, что оспариваемое высказывание содержится в публикации, которая была размещена в авторитетной региональной общественно-политической газете с большим тиражом. Автор данной статьи также известен читателям как грамотный аналитик. Кроме того, с лингвистической точки зрения текст статьи структурирован и организован. Выражая свою мысль, автор выстроил систему доводов и аргументов, что сделало текст убедительным. Таким образом, факторы, не имеющие прямого отношения к оспариваемой фразе (авторитет издания и автора, лингвистические характеристики всего текста публика-

Наличие во фразе экспрессии, эмоционально-оценочных компонентов не исключает возможности того, что высказывание (или его часть) будет расценено судом как сообщение сведений.

ции), говорят в пользу того, что высказывание *«И тогда, как это нередко бывает с потерпевшими фиаско хозяйственниками, у Барина проснулись политические амбиции...»* будет воспринято рядовым читателем как сообщение сведений.

Суд может разрешить вопрос о коммуникативной функции высказывания и без опоры на потенциальное мнение адресата — т. е. базирясь исключительно на формально-объективных показателях — форме и содержании самой фразы. Для этого эксперту-лингвисту адресуется вопрос: «Является ли фраза в полной мере оценочной и выражающей субъективное мнение автора?» Такая формулировка включает в себя исследовательский аспект особого рода: рассмотрение возможности сочетания мнения и сведений в одном высказывании, выяснение их долевого соотношения, а также информативного наполнения. Соответственно, задача эксперта в том, чтобы выяснить, какая часть смысла передана в виде мнения, а какая — в форме сведений.

Приведем фрагмент судебно-лингвистической экспертизы по фразе *«И тогда, как это нередко бывает с потерпевшими фиаско хозяйственниками, у Барина проснулись политические амбиции»*:

«Фрагмент «И тогда, как это нередко бывает с потерпевшими фиаско хозяйственниками, у Барина проснулись политические амбиции» сочетает в себе как выражение мнения, так сообщение сведений. К сведениям относится информация: «потерпев неудачу в качестве хозяйственника, Корнев ушел в политическую сферу» (исходя из контекста статьи, Барин — Виктор Корнев). Слово «хозяйственник» обозначает того, «кто управляет хозяйственной деятельностью в какой-либо области промышленности, сельского хозяйства». О том, что В. Корнев потерпел неудачу в качестве хозяйственника, прямо не сообщается. Однако в предложении употреблена вставная конструкция с союзным словом «как»: «...как это нередко бывает с потерпевшими фиаско хозяйственниками...». Союзное слово «как» в данном случае вносит сравнительное значение. Функция сравнения состоит в том, чтобы провести прямую параллель между двумя (и более) ситуациями, прояснить одну ситуацию на основе другой, указать на сходные стороны этих

ситуаций. В рассматриваемом фрагменте проводится параллель между «потерпевшими фиаско хозяйственниками» и В. Корневым. Следовательно, о В. Корневе сообщается, что он потерпел неудачу в качестве управленца, производственника. К выражению авторской точки зрения относится ироничная оценка управленческой, производственной деятельности, а также желания В. Корнева идти в политическую сферу. Сведения о том, что В. Корнев является несостоявшимся хозяйственником, потерпел неудачу в управленческой, производственной деятельности, порочит его честь, достоинство и деловую репутацию».

Как видно из приведенного фрагмента экспертизы, в оценочном по форме высказывании, насыщенном экспрессией, можно выделить как субъективно-эмоциональный компонент, так и фактические сведения. Субъективно-эмоциональный компонент говорит об отношении автора к объекту повествования — тому, о чем говорится в тексте. В рассмотренном случае автор выражает свое ироничное отношение к истцу и его деятельности. Такое отношение автора публикации может задевать честь истца, «обижать» его. Но закон признает за гражданином право выражать субъективное мнение, свое отношение к чему-либо. Следовательно, экспрессивный (иронический) компонент в данном высказывании неподсуден. Однако экспертиза выявила во фразе и информативно-фактический компонент: сообщение сведений. Именно он и дал основание для признания содержания фразы порочащим.

Речевые средства манипуляции сознанием: в чем опасность

Манипуляция — это скрытое воздействие на сознание, волю и поведение человека. Воздействовать можно разными методами, в том числе и языковыми. Внешне фраза может быть оформлена как выражение мнения, с использованием соответствующих слов-маркеров в их прямом значении. Однако детальный анализ показывает, что при

Высказывания, в которых использованы жесткие средства манипулирования сознанием адресата речи, могут быть приравнены к сообщению сведений — даже при наличии внешних показателей выражения мнения (слов-маркеров «мне кажется», «наверное» и т.п.).

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru